

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Георг Вильгельм Фридрих Гегель и
Карл Маркс

Первая половина XIX века прошла не только в попытках осмысления национального опыта, но и в спорах вокруг наследия Французской революции и Просвещения. Это был период, во время которого был сформулирован ряд новых философских теорий и схем, претендовавших на целостное объяснение всей мировой истории. К ним принадлежат историко-философские конструкты Гегеля, Маркса, Конта, Милля и других. В этой лекции пойдет речь о гегелианской интерпретации истории и об одном из его самых значительных ответвлений – диалектическом материализме Маркса.

Родившийся в Швабии, на юго-западе современной Германии, выдающийся философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель принадлежал к так называемой немецкой идеалистической школе. Вышедшие из критической философии Канта идеалисты считали идею первичным началом вселенной и бытия. Под «идеями» подразумевался ряд не менее абстрактных понятий, вселенский дух, разум-логос, Бог, сознание. Идеалисты утверждали, что Дух-Идея находится в постоянном развитии, развитии диалектическом, то есть развитии, обусловленном движением между двумя противоречащими друг другу полюсами. Развитие это телеологическое, имеет цель, заключающуюся в разрешении противоречий.

Так, философ Иоганн Готлиб Фихте связывал развитие мира с преодолением активным и самоутверждающимся «Я» своего отрицания – Не-я – пассивного материального мира, являющегося порождением сознания. Движение ведет к синтезу в виде «абсолютного Я», абсолютного сознания.

Фридрих Вильгельм Иозеф фон Шеллинг, младший одноклассник Гегеля в Тюбингене, видел развитие мира сквозь призму взаимодействия живой творческой природы с сознанием человека. Результатом такого взаимодействия должно было стать осознание единства полярностей посредством религии и искусства.

От философов-идеалистов Гегель перенял (помимо самого идеалистического начала) диалектический метод взаимодействия. По Гегелю, правила индивидуального мышления соответствовали законам бытия. Как и в процессе мышления, в котором идея движется от самоутверждения к самоотрицанию, а затем к преодолевающему противоречию между ними синтезу, так и бытие развивается от состояния к его противоположности в сторону того, что Гегель назвал *Aufhebung* – списанием, или снятием. Достигнув временного синтеза, процесс начинался снова, с отрицания этого состояния и движения к новому синтезу.

В своей написанной в 1805–1806 годах работе «Феноменология духа» и в появившейся шестью годами позднее «Науке Логике» Гегель представляет свое видение становления Бытия. Первой стадией является установление самого Духа в своем единстве. Дух как Единство – или Бог – не осознает себя, производит из себя свое отрицание, множественность, что воплощается в Природе, именуемой Гегелем «Инобытием» – *Anderssein*. Из отрицания следует Списание, мировой Синтез, при котором Дух, восстанавливая Единство, осознает самого себя, приходит к самосознанию. Потенциал, скрытый в Духе, актуализируется. Это состояние называется Абсолютным Бытием.

В этой схеме человеку уделена особая роль. Являясь частью бытия, наделенным самосознанием, человек как бы продумывает мировой, божественный разум, приводя его к сознательному единству с самим собой. Это происходит благодаря знанию в самых разных ее ипостасях – религиозной, в форме искусства, в форме науки, но в первую очередь – благодаря философии, мысли о мысли. Знание переводит невидимую и неосознанную разумную схему в видимое, осознанное, умозрительное состояние. В философской, научной деятельности человека Мировой Дух-Бог-Логос рассматривает самого себя, преодолевая свое отчуждение в природе.

Гегель обладал непревзойденной способностью к построению головокругительных абстрактных схем. Возможно, его система не обрела бы такой популярности и влияния, если бы помимо этого он не обладал и поразительным историческим чувством, что позволило ему наделять представляемую им схему развития

мирового духа конкретным, интригующим, содержанием.

История по Гегелю занимала особое положение в самораскрытии мирового духа, так как именно посредством истории Дух преодолевал свое отчуждение – множественность – в природе.

Народ осознавался Гегелем как главное действующее лицо истории. Отдельные личности, безусловно, играли большую роль, но только постольку, поскольку они являлись исполнителями мировой идеи. Гегель признавал, что великие личности – Александр, Цезарь, Наполеон (которого он имел счастье лицезреть у ворот в Йену в 1806 году) – действуют из сугубо личных побуждений. Их амбиции и страсти являлись не более, чем инструментом разума в реализации глобальной цели, о которой личности не имели большого представления.

В чем же заключалась эта цель? Гегель утверждает, что мировая история есть не более, чем «прогресс осознания свободы», процесс осознания Духа, свободного по определению, самого себя. Это процесс начинается с древности и древних народов. Создав первое государство, выйдя из неосознанного природного состояния в историческое состояние, древние народы произвели первое понятие о свободе. Становлению свободы мешал «восточный деспотизм», в котором несвободными оказались все, кроме государя.

В античности ценность свободы была установлена, но и здесь помехой вышло рабство, отделившее граждан от остальных. Полная реализация, осознание свободы могло произойти лишь с Французской революцией. И в этом Гегель уделял «германским нациям» особую роль.

Если нации были носителями идеи о свободе в разных ее ипостасях и степенях проработки, то государство, наряду с великими личностями, было важнейшим исполнителем этой идеи. Гегель видел в государстве божественный инструмент по упорядочиванию бытия. Либеральные конституции были близки к тому, чтобы достигнуть этого согласования и гарантировать единство разумного с действительным, и действительного с разумным.

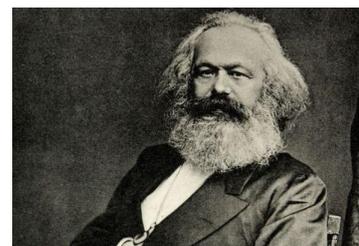
Уже при жизни Гегеля его система, стремящаяся дать разъяснение всему становлению, вызвала ряд споров. Последователи видели в его рассуждениях глубоко продуманную философско-историческую систему, подчеркивающую движение истории к высшей цели, единению человечества с Богом. История выходила за рамки событий политического, экономического и социального характера. И превращалась в историю развития идей.

Критики Гегеля уличали систему не столько в ее абстрактности, сколько в предопределенности. Человек в гегельянской схеме лишался «индивидуальной свободы». Система не принимала элементы иррациональности и случайности, а если и принимала, то усматривала в них рациональные закономерности. Страдала она также морально-этической двусмысленностью. По Гегелю, все, что происходило, было необходимым и заранее оправданным.

Как бы подтверждая законы диалектики, использованные самим Гегелем, его теория подвергалась интерпретации, нацеленной на ее же преодоление. Так, Людвиг Фейербах взял Гегеля на вооружение в своей критике религии, показав, что религия и есть главный результат отчуждения человека от самого себя. Наиболее значимой с точки зрения последствий стало прочтение Гегеля Карлом Марксом, человеком, совместившим в себе деятельность философа, социолога, экономиста, историка и, наконец, революционера.

Взяв основные положения Гегеля, Маркс перевернул его с «головы на ноги». Если по Гегелю порядок вещей в мире определялся развитием духа, то в представлении Маркса принципиальным началом была материя. Маркс понимал, что в представлении большинства философов прошлого материя ассоциировалась с низменным, неживым и статичным. Вдохновившись Фейербахом и современными ему учеными-естествоиспытателями, Маркс установил динамичную природу материи. Материя, а не дух, развивалась в соответствии с диалектическими законами природы. Поэтому материализм Маркса так и именуется – диалектическим материализмом.

Маркс писал в эпоху интенсивной индустриализации, урбанизации, ломки традиционного общества, изменений в сфере технологии и повседневной культуры. К 40-м годам XIX века романтизм как мировоззрение давно отошел в прошлое, будущее принадлежало новому течению – позитивизму. Все большим авторитетом пользовались естественные науки, чьи исследовательские методы, казалось, должны были поднять завесу над тайнами природы. Исследователи исторических процессов усматривали связи между законами природы и общественными закономерностями. Появлялись исторические нарративы без имен людей и даже без имен народов.

Марксистская историческая схема являлась одной из наиболее значимых среди подобных нарративов. Не отражением национальной идеи о свободе, но отражением материальных условий жизни людей были, по Марксу, юридические нормы. Этот тезис касался всей культуры, вернее взаимодействия культуры с материальной составляющей социальной жизни, «базисом».

Центральным Маркс считал понятия отношений собственности, уровень средств производства, уровень развития техники и способов производства. Отношения собственности, определяющие, кто владеет главными средствами производства, кто диктует способы производства, были фундаментом власти. Над ним надстраивались политические, юридические, идеологические структуры. Идеологические воззрения, являвшиеся доминирующими в определенную эпоху – это воззрения класса, владеющего средствами производства, господствующего класса.

Движение в истории, понимаемой сквозь призму производственных отношений, обуславливалось степенью соответствия отношений собственности к уровню производительных сил. Если уровень производительных сил, обусловленный наличием новых ресурсов и технологических изменений, «обгонял» отношения собственности, если отношения собственности вставали на пути развития производительных сил, то это неизбежно приводило к конфликтам, к революциям и переходам к более высокому уровню и производительных сил, и отношений производства. Агентами этой борьбы выступали социальные категории, классы, принадлежность к которым определялась отношениями собственности и производства. Эта борьба, экономическая по своей сути, объясняла поступательный переход человечества от одной стадии к другой. Всего в прошлом, настоящем и будущем, Маркс и его ближайший соратник Энгельс выделяли пять формаций: первобытно-общинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую, коммунистическую.

В движении истории, по версиям Маркса и Гегеля, усматривалась неотвратимость. Это не значило, что этическая сторона не играла никакой роли. Устремляясь из прошлого в будущее, человечество продолжало лелеять мысль о справедливом обществе. Таковым станет общество будущего, коммунистическое общество, что покончит раз и навсегда с социальными противоречиями и положит конец историческому развитию как таковому. Это станет возможным в результате уничтожения самой базы классовых отношений, частной собственности. Безусловно, на защиту частной собственности встанут все, чей высокий социальный статус, положение в политике, обществе, экономике и культуре произрастает из неравного распределения собственности и средств производства. Однако сопротивление буржуазии обречено на поражение уже потому, что порожденный ей же, лишенный собственности, класс – пролетариат – в ближайшем будущем станет подавляющим большинством. Не имеющий собственности и привыкший к социализированному труду пролетариат разгромит буржуазию, но и сам себя перечеркнет, дав начало тем самым бесклассовому обществу.

Для Маркса, как и для Гегеля, история – это познаваемый процесс, определяющий границы и смысл человеческого бытия как такового. Только для Гегеля понимание этого процесса ограничивается философской интерпретацией истории. Маркс же видит в этом кардинальную ошибку философов. Цель занятия историей (да и не только историей) не останавливается моментом интерпретации процессов. «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Поэтому исследование истории не просто открывает перед ним законы человеческого становления, но дает ему установку к революционному действию.

Марксизм предлагает взглянуть на мир через призму экономических отношений. Теория оказала колоссальное влияние на интеллектуальную культуру Запада и России. К концу XIX века многие историографические течения так или иначе соотносили себя с марксизмом — отрицая или принимая эту историческую концепцию, иногда адаптируя ее отдельные элементы.

Марксизм и предшествующая ему гегельянская философия Духа исходили из предположения, что цель изучения истории – в постижении сути всемирного движения. Во второй половине XIX века возникнут философские течения с меньшим энтузиазмом относящиеся к такому амбициозному плану.